

А. Д. ДЫМШИЦ

**Рецензия на книгу В. Я. Кирпотина
«Наследие Пушкина и коммунизм»**

Столетие гибели Пушкина, Пушкинские дни 1937 года, превратившиеся во всенародный праздник советской культуры, проходят у нас в непосредственной хронологической близости к историческим дням обсуждения и утверждения советским народом великой сталинской Конституции. Отразившая лучшие чаяния и мечты всего прогрессивного человечества, записавшая в своих чеканных и полновесных строках историю славных побед нашей страны и нашего народа в борьбе за революционное переустройство мира и за социалистическое строительство на одной шестой земного шара, великая Сталинская хартия прав и обязанностей граждан социалистической страны ясно и четко поставила перед сознанием многомиллионных масс народа перспективу коммунистического строя во всей ее исторической конкретности, в реальном, «осязательном» многообразии ее содержания.

Мы в преддверии коммунизма. Сбылись осуществленные героическими усилиями народов нашей страны, направляемых гением партии Ленина–Сталина, многовековые мечтания лучших умов передового человечества о свободном от рабского ига, от эксплуатации человека человеком, счастливом, радостном и светлом будущем. «Золотые сны» мастеров культуры, лучших людей прошлого, отдавших все богатства своих умов и сердец трудовому народу, стали явью, превзошедшей размахом, глубиной и яркостью мечты и ожидания многих своих предвестников. В наше «сегодня», в наше «завтра» влились помыслы и дела гениев человеческой культуры, — людей, чьи творческие ценности, обращенные к народу, сделались его вечным и неотъемлемым достоянием. В них поэтому влиты и реализуются мечты и помыслы величайшего гения русского народного искусства — Пушкина.

Пушкин погиб сто лет тому назад в неравном поединке с дворянской, помещичьей и самодержавной Россией. Но его искусство осталось жить живой жизнью. Пушкин стал «спутником» пролетариата, «спутником» революционного народа в его борьбе и победах. А сейчас, на пороге коммунизма, он, достигнув небывалой и подлинной всенародности, становится любимым и желанным гостем на празднике социалистической работы, создающей новые человеческие отношения, новую коммунистическую психологию людей, новое, большое, народное искусство социализма. Именно таким почувствовали и показали Пушкина В. Маяковский в «Юбилейном» и Э. Багрицкий в стихах о нем.

Между Пушкиным и людьми коммунистического строя чувств и мыслей крепкие связующие нити. Они в пафосе жизнеутверждения, в бодром, материалистическом оптимизме, в ясном диалектическом разуме, в ненависти к эксплуататорам, в действенном гуманизме, в любви к своему народу, в страстной преданности своим революционным идеалам — во всех этих специфических чертах пушкинского мировоззрения и пушкинского творчества, родных и близких передовым людям нашей страны.

Тема — «Пушкин и коммунизм» — важнейшая тема, ибо верное ее разрешение даст возможность правильно определить основы мировоззрения величайшего русского художника слова, откроет дорогу к широкому, глубинному познанию Пушкина, покажет, чем близок и дорог Пушкин многомиллионной армии советских людей.

Поэтому выход книги В. Кирпотина, написанной именно на эту тему, нельзя не расценить как значительное в общекультурном и более узком — историко-литературном — смысле событие.

Книга тов. Кирпотина состоит из 11 глав, анализирующих мировоззрение поэта и выясняющих степень и формы его родства идеологии человека социалистических качеств, людей, рожденных и повседневно формируемых нашим временем. Состав книги таким образом оказывается следующим: I. Мировоззрение Пушкина. II. Радость и печаль. III. Идеал политической свободы. IV. Идеал независимой личности. V. Тема возмездия. VI. Искусство и общество. VII. Одиночество Пушкина. VIII. Содержание конфликта Пушкина с действительностью. IX. Социальный смысл конфликта Пушкина с действительностью. X. Социальный смысл конфликта Пушкина с действительностью (окончание). XI. Наследие Пушкина и коммунизм.

Уже самая композиция книги Кирпотина свидетельствует о стремлении преодолеть шаблоны вульгарно-социологического

«метода» исследования литературных явлений. Тов. Кирпотин в своем исследовании не исходит из априорно «данных» категорий класса и классовой группы, якобы сполна определяющих творчество поэта, а стремится к возможно полному и всестороннему историческому раскрытию системы политических взглядов, эстетических суждений, философских принципов, той мировоззренческой и художественно-творческой системы, которая была типической и ведущей для Пушкина как писателя и общественного деятеля.

С этой целью он останавливается на таких проблемах, как проблема пушкинского оптимизма, пушкинского гуманизма, пушкинского социального и исторического одиночества в условиях эксплуататорского общества и т. д. Суждения тов. Кирпотина об оптимизме Пушкина, — выводимом им из прогрессивности воззрений поэта на исторический процесс, из его революционно-романтической веры в неизбежность осуществления идеала политической свободы; его наблюдения над пушкинским гуманизмом, связанным с культом независимой личности у поэта и выражавшим протест против гнета феодальной государственности, тяжелыми жерновами размалывавшей «частную судьбу», против леденящего холода этой государственности; наконец, анализ эстетических взглядов Пушкина в связи с его теорией «искусства для искусства», — все эти моменты в книге тов. Кирпотина принадлежат к наиболее удачным, убедительно и широко разработанным.

Кирпотин сумел показать преемственность многих идей и эмоций, владеющих социалистическим человечеством, от вершинных достижений пушкинского гения. Он сумел продемонстрировать живую связь между передовыми для своего времени философскими, историческими и политическими взглядами Пушкина и последующих поколений революционеров, предшествовавших идейно и исторически поколению идеологов научного социализма. Это удалось ему, ибо он сумел обнаружить у Пушкина жизненно-яркую и творчески-сильную струю материалистического просветительства и усмотрел, что в пушкинском гуманизме с его призывами о «милости к падшим», к социально угнетенным «низам», запечатлелись самые прогрессивные и самые демократические идеи, которые в пушкинское время еще никто не дерзал заявить во весь голос и которые были подхвачены, развиты и сказаны во всеуслышание великими революционерами-демократами: Белинским, Чернышевским, Добролюбовым.

Первые семь глав его книги, так же как и заключительно итоговая глава — «Наследие Пушкина и коммунизм», — наиболее

удались Кирпотину. Их основные положения безусловно свежи и во многом оригинальны (оригинальны даже там, где Кирпотин дополняет или развивает мысли классиков русской критики, например Белинского). <...>

Наиболее спорной и явно на наш взгляд свидетельствующей о рецидиве антиисторического социологизирования является попытка Кирпотина провести аналогию между Пушкиным и Львом Толстым: «Классовый смысл эволюции творчества Пушкина, — пишет он, — необходимо искать не по линии от дворянства к буржуазии или от дворянства к мещанству, а по линии от дворянства к крестьянству, по типу эволюции Льва Толстого». Мировоззренческое развитие Пушкина шло таким образом, по мысли Кирпотина, путем аналогичным тому, каким в иных исторических условиях прошел Л. Н. Толстой. И не прервись трагически жизнь Пушкина, великий поэт пришел бы к перелому, подобному тому, который пережил в 60–70-х годах Лев Толстой.

С этим утверждением Кирпотина решительно нельзя согласиться. Тип толстовской эволюции не был и не мог быть по душе Пушкину. И если бы Кирпотин полнее и четче представил в своей работе связь Пушкина с русским революционным движением, если бы он сумел вскрыть последовательность революционных убеждений Пушкина и нарисовать перед читателем жизненно и исторически полный и до конца правдивый образ поэта-борца, то аналогия с Львом Толстым отпала бы у него естественным образом. Между тем тов. Кирпотину в ряде случаев не удалось это сделать с должной полнотой, а иногда не удалось и вовсе. В его книге все еще живы отголоски ошибочной теории о крутом переломе политических взглядов Пушкина после 14 декабря 1825 года. «В его политических убеждениях произошел ряд изменений, — пишет Кирпотин. — До декабрьского восстания — пусть ради ограниченных целей — призывал к мятежу, к применению силы против правительства. Теперь он страшится народных волнений...» И хотя далее он и оговаривается, что с «додекабрьскими настроениями Пушкин вовсе не разделался так окончательно, как это многие рисуют», тем не менее Кирпотин все же не приходит к ясному пониманию того, что Пушкин до конца дней своих остался нераскаявшимся и несдавшимся декабристом, что Пушкин не разоружился, а лишь занялся пересмотром тактики революционеров-декабристов, потерпевшей поражение 14 декабря.

В связи с этим стоит неоднократно повторяемое Кирпотиним утверждение, что Пушкин не был борцом, что его поэзия «лишена

пафоса борьбы». Сказать так о Пушкине — значит заблуждаться весьма и весьма серьезно. Пушкин мыслил литературу как дело национальное, а дело национальное было для него — освободительным, революционным. Для него заветом на всю жизнь остались его собственные слова — «Только революционная голова, подобная М. Орлову и Пестелю, может любить Россию — так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке».

Чтобы сблизить Пушкина и Толстого, чтобы изобразить его путь как путь «кающегося дворянина» к крестьянским позициям, Кирпотин вынужденно грешит против истины, зачеркивая Пушкина-борца, Пушкина-революционера. Но история, взятая во всей ее конкретности, должна опрокинуть «социологические парадоксы». Она должна показать, что Лев Толстой, не бывший революционером и не понявший революции, сделался ее зеркалом, благодаря ее собственной силе, тогда как Пушкин, живший много ранее, при зарождении русского революционного движения, был революционером и соратником первых революционеров. Лев Толстой и до и после перелома тяготел к реакционному утопизму, сменив одну утопию другой. Пушкин утопистом никогда не был, и взгляд его на будущее был трезвым, обретавшим все большую и большую силу революционных убеждений. Он шел вослед Радищеву и вместе с декабристами. Его поэзия вместе и наравне с политическими призывами декабризма пробудила к революционной борьбе Герцена и Огарева и многие поколения русских революционеров. Она стала «вольной», «потаенной» поэзией. Даже реализм Пушкина-художника, во многом близкий толстовскому, все же отличался от него своей бестенденциозностью. Толстой же часто бывал тенденциозен. Сопоставление «Сказок» Пушкина и «Народных рассказов» Толстого, крестьянских типов у Пушкина и Толстого (ср., например, пушкинского Пугачева, в котором поэт воплотил свои представления о герое стихийно-революционного народного движения, с толстовским Платоном Каратаевым или крестьян из «Дубровского» со смиренными «старцами-мужичками» Толстого — Фоканычем, Акимом и др.) — тому ярчайшее свидетельство. Все это говорится не в «осуждение» Толстого и не для того, чтобы снять правомерный вопрос о влиянии Пушкина на Толстого, а лишь для того, чтобы устранить неверное утверждение о «толстовском типе эволюции» у Пушкина. <...>

Нам представляется <...>, что тов. Кирпотин, пытаясь опереться в изучении Пушкина на ленинские статьи о Толстом,

не использовал сполна богатейшие возможности, заложенные в этих статьях, и, наоборот, пошел по ложному пути. Он стал на простейший, спорный и, на наш взгляд, неверный путь: на путь установления аналогии между идейно-художественным развитием Пушкина и толстовским развитием, освещенным Лениным. Но ленинские статьи были и навсегда останутся гениальным образцом применения ленинской теории отражения к анализу художественных явлений. Из нее же — из теории отражения, — примененной к литературному материалу, тов. Кирпотин еще не сумел сделать всех необходимых выводов. Для Кирпотина Пушкин все еще всего более «дворянский поэт», хотя и пребывавший «в конфликте с дворянством». А между тем, если следовать до конца ленинскому методу анализа толстовского мировоззрения и с ленинскими критериями подойти к наследию Пушкина, то мы увидим, что классовая подоснова не была столь сильна у Пушкина, как это представляется тов. Кирпотину, что Пушкин стоял на позициях народных и во многом революционных, и решающим и определяющим был для него именно его конфликт с дворянством, избавлявший его и как поэта от эпитета — «дворянский». В этом вопросе, думается нам, гораздо ближе к Ленину, нежели тов. Кирпотин, оказывается Горький, писавший в своем конспекте о Пушкине для народа, что «на примере его творчества мы видим, что писатель, богатый знанием жизни, — так сказать, перегруженный опытом, — в своих художественных обобщениях (в образах Евгения Онегина, графа Нулина, Дубровского и т. д.) выходит из рамок классовой психики, возвышается над тенденциями класса — и объективирует нам этот класс».

Парадокс о Пушкине и Толстом снизил теоретический уровень главы книги Кирпотина о социальном смысле конфликта Пушкина с действительностью, его отголоски дали себя знать и в других разделах книги. В этом существеннейший и главный недостаток его работы. Другой ее недочет, о котором тоже следует говорить, состоит в том, что Кирпотин, рассмотрев мировоззрение Пушкина, не показал значения поэтического его наследия для социалистической литературы, не показал, в чем значение реализма Пушкина, его борьбы за революционную романтику, за народность литературы, его эстетических воззрений для литературы социалистического реализма.

Работа Кирпотина интересна и значительна. Положительное ее значение бесспорно, а ошибки поправимы. Книга «Наследие Пушкина и коммунизм» несомненно потребует переизданий,

при которых автору следовало бы устранить ее недостатки. При быстром росте, который переживает наша литературная наука, освобождаясь от вульгаризаторских и антиисторических извращений и заблуждений «социологистского» толка, они станут еще более очевидными.

